

Часть 1

— Ну что ты копаешься?
Рыцек успел выбежать во двор и вернуться.

— Ну!

— Сейчас, — сказала Эльга.

Лента наконец проделась в прорезь кофты и сплелась на животе со своей подружкой.

— Ну ты вообще!

Рыцек топнул ногой в башмаке, надул щеки и пропал из дверного проема. Затем появился вновь, чтобы с тоской наблюдать, как Эльга повязывает платок.

— Ветра нет!

— Все равно. Девушки ходят в платках!

— Ёрпыль-гон! — Рыцек боднул лбом косяк и закатил глаза.

Сердце его отстукивало доли времени, похожие на мгновения смерти.

— Все! — объявила Эльга.

Рыцек схватил ее за руку.

— Побежали, тихоня!

Мелькнули ступеньки лесенки, весело залаял пес Кутыня, плеснула вода в корыте, а солнце золотым жаром дохнуло в лицо.

Эльга с Рыцекком выскочили за ворота и мимо степенно бредущих взрослых помчались к постоялому двору.

Качались лопухи, зеленели яблони, покрывшиеся мелкими белыми яблоками, как дурной сыпью, чинил крышу дядя Поисо, за далеким полем, желтеющим дозревающей пшеницей, распахивали новый участок, тетя Вейра через плетень болтала с Лимой, дочерью тети Гунабун, а в канаве

квакали лягушки. Углы Эльгина платка трепетали белыми птичьими крыльями. Рыцек на бегу отмахивался от надоедливой пчелы.

Быстрее! Быстрее! Поскрипывал под башмаками песок.

Дом Кузинеков. Дом одинокого Слепня. Дом бабки Туттоли. А у постоянного двора уже собралась пестрая галящая толпа. Слышался голос кафаликса:

— ...рогие жители! Представляю вам... ...теров Края...

— Ёрпыль-гон! — страдальчески воскликнул Рыцек. —

Уже началось!

Они протиснулись к изгороди. Рыцек перелез через жердины. Эльгу дед Пихтя поднял на руки и опустил уже внутри двора.

Кафаликс выхаживал по притоптанной земле, важный, усатый, в синих штанах, служебном длиннополом сером муландире и в синем же колпаке с полями.

— Всякому, кто пойдёт под руку мастера, кранцвейлер Края назначает содержание в тридцать эринов в этот год! — произнес он.

В толпе ахнули. Сумма, наверное, была большая. Но Эльга ничего не понимала в эринах и все пыталась рассмотреть стоящих поодаль мастеров. Потееющий на солнце кафаликс шагал как заведенный, словно специально мешая взгляду.

— Пусть покажут мастерство, — сказал кто-то из толпы.

— Конечно, — кивнул кафаликс, остановившись.

В это мгновение Эльга разобрала, что мастеров к ним приехало четверо. Не трое, как она сначала подумала, а четверо. Мужчины-мастера стояли, образовав кружок, в ожидании, когда их представят. Женщина же словно пряталась за ними. Она даже отвернулась вбок, и ее лицо показалось Эльге печальным. В ногах у женщины лежал большой серый сак, похожий на гусеницу.

— Я представляю вам Эльмура Изори, — торжественно произнес кафаликс, предваряя слова движением руки, — мастера боя.

Один из мастеров, крепкий, с голым торсом, мужчина лет сорока вышел вперед. Он не стал играть мускулами или кувыряться, показывая свои силу и ловкость. Он обвел собравшихся серыми, глубоко посаженными глазами и спросил неожиданно низким голосом:

- Кто хочет попробовать?
- Ну я, – сказал дядя Вовтур.

Он был большой, на голову выше мастера Эльмура. Плечи как булыжники, руки как кузнечные клещи. На бритой голове – белый рубец.

Детей отогнали от участка изгороди, да и сами взрослые подались в стороны. А дядя Вовтур, освободившись от короткой куртки, встал напротив мастера в пяти шагах, чуть присел и сжал пальцы в кулаки.

- Нападать?

Мастер боя сузил глаза и кивнул.

- Нападай. – Он вытянул руки и соединил ладони.
- Эх-ха!

Дядя Вовтур ринулся вперед, но ладони мастера Эльмура чуть отклонились в сторону, и его соперник неожиданно для себя запнулся и упал на правое колено.

Толпа выдохнула.

- Видела? – толкнул Эльгу Рыцек.

Глаза его блестели как монетки. Сам он пытался скопировать стойку мастера.

- И ничего особенного, – сказала Эльга.

Дядя Вовтур в это время поднялся на ноги и, уважительно качнув головой, обернулся к глазееющим:

- Ну же, поддержите меня!

Народ тут же закричал:

- Вперед, Сильф! Покажи ему, Вовтур!

Девчонки рядом с Эльгой захлопали в ладоши.

– Вот, это дело! – сказал дядя Вовтур, подмигнув и бросился на неподвижно стоящего мастера.

Тот качнул ладонями, но дядя Вовтур ловким движением ушел от этого жеста в сторону. Кидаясь то вправо, то влево,

он смог приблизиться к Изори на два шага, но тут пальцы мастера боя толкнули воздух, и дядя Вовтур, будто мягко стукнутый гигантским кулаком, отлетел обратно к ограде.

Под весом спины его звонко треснула жердина.

— Ёрпыль-гон!

Рыцек подпрыгнул от охвативших его чувств.

Дяде Вовтуру помогли подняться, кто-то похлопал его по плечу.

— Можешь взять деревяшку, — сказал мастер Эльмур.

Он разъединил руки и расположил их одну над другой, словно защищая грудь от удара. Эльге показалось, что воздух перед его ладонями слегка поплыл, как бывает, если смотреть над пламенем костра или очага.

— Так-таки и могу? — сказал дядя Вовтур.

Одним движением он выдернул треснувшую жердь из ограды и переломил ее о колено. Обломок, оставшийся в его ладонях, напоминал размером увесистую дубину.

— Так могу?

— Можешь, — улыбнулся одними губами мастер боя.

— А то был у нас в прошлом годе...

Дядя Вовтур подшагнул к противнику. Рыцек весь сжался пружиной в ожидании, словно это на него, а не на мастера боя наступал односельчанин.

— ...так тоже говорил, что мастер. А копьем его нельзя, кулаком его нельзя... Только и мог стрелы отводить.

Дядя Вовтур ударил дубиной почти без замаха, но и такой удар, наверное, должен был сломать Изори плечо.

Только вот дубина словно повстречалась с невидимым камнем.

Дядю Вовтура развернуло от отдачи, народ загудел, Рыцек, заголосив, выпрыгнул вверх, к небу и солнцу.

— Да!

Мастер боя отступил на шаг, подставляя другое плечо.

Эльга же разглядела, что женщина-мастер что-то выкладывает на плоской дощечке. Разноцветные кусочки ложились на дерево, а женщина, искоса поглядывая на дядю

Вовтура, то и дело запускала в сак руку и долго, задумчиво что-то перебирала.

Странно, да? Эльга даже губу закусила от любопытства.

Мастер боя тем временем отбил второй удар дяди Вовтура так же легко, как и первый. Дубина треснула.

– Хочешь нож? – спросил мастер Эльмур.

– Брать? – повернулся к толпе дядя Вовтур. – А то вроде ничего мастер.

– Бери! – крикнули от ограды.

– Только не поранься! – добавил кто-то.

Народ грохнул хохотом, дядя Вовтур показал нырнувшему за спины зубоскалу могучий кулак. На солнце надвинулось небольшое облачко, и цвета дня потемнели, порыв ветра сбил серую челку мастеру боя на глаза.

Какой-то клочок выскочил у женщины-мастера из-под пальцев и, подхваченный потоком воздуха, полетел через двор. По пути он увернулся от кинутого дяде Вовтуру ножа и, кружась, спланировал прямо к Эльге.

Девочка подставила ладонь. Клочок лег в нее зеленоватой бабочкой. Это оказался сливовый лист, мягкий, с красной полоской посередине. Он подрагивал, как живой.

Эльга подняла голову – женщина-мастер смотрела на нее, чуть хмурясь, с некоторым напряженным ожиданием. Бледное лицо, светлые брови и светлые, зачесанные за уши волосы. Пальцы вынутой из сака руки сжимали пустоту.

И Эльга решила.

– Куда? – успел крикнуть ей вслед Рыцек.

Но поздно.

Она оттолкнулась от ограды и, зажав в кулачке лист, чтобы не выпорхнул, побежала мимо вновь сошедшихся мастера боя и дяди Вовтура. Вернуть сливового беглеца почему-то показалось очень важным.

Кто-то за спиной вскрикнул, Рыцек, конечно, помянул Ёрпыль-гона, бойцы вдруг быстро надвинулись на Эльгу, замахали руками, задышали, запыхтели, втиснули ее в тесное пространство между собой, льдисто сверкнул нож.

– Ой!

Эльга, предчувствуя нехорошее, закрыла глаза. Но ее вдруг, будто скользкую рыбку из пальцев, выдернуло вон, нож исчез, в щелку между ресницами сквозь дрожащий свет проломилось и пропало лицо Эльмура Изори. Что-то треснуло, вскрикнул от боли и, кажется, упал на землю дядя Вовтур.

Ах, башмаки сами понесли Эльгу прочь! Опомнилась она только в конце двора, пойманная тонкой рукой женщины-мастера.

– Вот дуреха! – сказал кто-то из мужчин.

– Зачем бежала? – строго спросила женщина. – Жизнь не дорога?

– Тетенька, я это...

Эльга подала ей сливовый лист.

Женщина усмехнулась. Вблизи она была старше и противней, чем если щурясь смотреть от изгороди. Жесткое лицо прорезали морщины. В светлых глазах не пряталось ни ласки, ни улыбки, одна ожесточенная пустота.

– Тебя же сейчас чуть не убили.

– И что? – Лист задрожал в пальцах. – Вам разве не нужно?

– Глупенькая.

Женщина-мастер опустила ладонь в сак и под сухой шорох извлекла целый пук самых разных листьев – и дубовых, и ольховых, и смородиновых, и березовых, и мелких брусничных.

И сливовых тоже.

– А теперь, – с середины двора зычно возвестил кафалик, – встречаем мастер-лекаря Крапина Гампелина!

Оглянувшаяся Эльга увидела, как обозвавший ее дурехой мастер, сменяя Эльмура Изори, степенно идет к поверженному, тяжело вздымающему глыбу плеча дяде Вовтуру. Тюрбан, коричневый халат, остроносые сапоги.

– Здравствуйте, дорогие мои, здравствуйте!

Мастер-лекарь поклонился людям.

– Зовут-то как? – услышала Эльга сбоку и не сразу сообразила, что обращаются к ней.

— Вам же все равно, — сказала она женщине, наблюдая, как мастер Гампелин, кружа, пассами вправляет дяде Вовтуру выбитый сустав.

Выглядело это еще страшнее, чем битва с мастером Изори.

— Может быть, все равно, а может быть, и нет. — Женщина склонилась над своей доской. — Но если не хочешь...

— Эльга.

— Хм... — качнулась женщина. — Непростое имя. Нука, посмотри. Только честно скажи: что видишь?

Она развернула доску.

Эльга ахнула. На слегка ошкуренном дереве, на желто-белом фоне один к одному тесно примыкали листья, изгибались, сцеплялись зубчиками, складываясь в необычное, темно-зеленое, коричневое, с фиолетовыми жилками, очень узнаваемое лицо. Дядя Вовтур получился у женщины словно живой, губастый, веселый, улыбающийся, казалось, немного подожди, замерев, — и он расхохочется листьями или подмигнет.

— Это ваше мастерство? — прошептала Эльга.

— Мое, — сказала женщина.

— А я так смогу?

— А получился ваш...

— Дядя Вовтур?

— Да. Он самый.

— Очень! — прочувствованно сказала Эльга. — Совсем-совсем он!

Женщина-мастер чуть-чуть, уголками губ, позволила себе улыбнуться.

— Ты хочешь этому научиться?

Девочка закивала так часто, что у нее, наверное, должна была отвалиться голова. Во всяком случае, все поплыло перед глазами.

— Знаешь, — сказала женщина, — это не очень благодарное занятие. Это не мастерство боя. И вообще...

— Тогда зачем вы этим занимаетесь? — спросила Эльга.

Толпа у изгороди разразилась радостными криками, приветствуя вставшего дядю Вовтура. Плечо у него снова

сидело нормально, а не торчало бугром. Мастер Крапин Гампелин повел его к односельчанам.

— Кому снять головную боль? — спрашивал он громко. — Выправить вывих? Выдавить чирей? Все можно!

К нему уже тянули руки желающие.

Женщина-мастер смотрела на него со странным выражением лица.

— Вы тоже могли бы стать лекарем, — сказала ей Эльга.

— Нет. — Женщина поправила на доске несколько листьев. — Моя судьба — здесь, в таких портретах. Знаешь, что мне говорил мой наставник? Не важно, чем ты пытаешься овладеть. Важно достичь в своем деле совершенства.

— А вы достигли? — спросила Эльга.

— Нет. Это не так быстро происходит.

— А почему листья?

Женщина пожала плечами.

Мастер-лекарь вернулся к ним, в конец двора, по очереди прижав ладонь ко лбу тети Амины и деда Фантиля, а также повозившись с локтем Дорка Диггеса.

— А сейчас, — объявил кафаликс, — мастер листьев Унисса Мару.

— Иди к своим, — сказала женщина девочке и, подхватив сак и несколько дощечек, направилась к поставленному кафаликсом стулу.

Сев, она долго перебирала дощечки на глазах у притихшего народа, словно дожидаясь, когда Эльга проскользнет мимо нее к изгороди.

— Ёрпыль-гон! — Рыцек затряс Эльгу за плечи. — Куда ты побежала? Мастер боя из-за тебя дяде Вовтуру плечо повредил!

— А мастер-лекарь починил!

— Дура!

— Тихо вы! — цыкнул на них дядя Вовтур, скособочившийся рядом на чурбачке.

— Я делаю портреты, — сказала женщина-мастер, мазнув взглядом поверх голов. — Портреты из листьев. Из раз-

ных листьев. Они не простые, они поднимают настроение, служат для памяти, приносят мир в дом.

– И все? – разочарованно протянул кто-то.

– Не только. Портрет посложнее возьмет на себя беду. – Унисса огладила пустую доску. – Кто хочет получить портрет?

– Я, – сказал дядя Сарыч.

– И я, – сказала тетушка Тельгин.

Женщина-мастер попросила желающих выйти вперед и какое-то время, запустив руку в сак, молча их разглядывала.

Листья сыпались на землю.

Затем Унисса Мару провела над доской ладонью и бросила на нее целый лиственный ворох, будто крупу в котел. Часть листьев сдуло, но большинство задержалось, прилипло, выгибаясь и трепеща краями. Желтые, красноватые, темно-зеленые, серебристые. Женщина принялась приминать их и складывать, пальцы ее работали быстро-быстро, заставляя доску отзываться легкими звуками: пум-пум-пум. Где-то отрывались кусочки, где-то подгибались черенки, где-то лиственная мякоть, сдавленная, давала белесый сок.

Эльга заметила, что на мизинце мастера специально выращен и подпилен ноготь, которым делались надрезы или удалялись кромки. Ноготь жил словно сам по себе, безошибочно очерчивая границы портрета.

– Ну вот, готово, – сказала Унисса тетушке Тельгин, отставив доску на вытянутых руках. – Можете взять.

– Могу?

Тетушка Тельгин несмело подступила к мастеру, приняла портрет, развернула к себе. Несколько мгновений ее глаза скользили по доске, по листьям, мучительно не зная, за что зацепиться. Затем тетушка Тельгин расхохоталась.

– А ведь я, верно, я!

Лицо ее расцвело румянцем.

Похохатывая, недоверчиво качая головой, она вернулась с доской к изгороди, и там тоже заохали, засмеялись, заговорили вразнобой, разглядывая портрет.

- А лет-то тебе убавили!
- А грудь прибавили!
- Ах, веселая!

Тетушка Тельгин, хвастаясь, пустила мастерство по рукам. Листья трепетали, листья смотрели в мир насмешливо и открыто. Было совершенно удивительно, как в этом пятнистом узоре можно что-то разглядеть. Но стоило чуть тронуть доску, и улыбка тетушки Тельгин расцвела на ней, а выше проступали и ольховый нос, и глаза из мелких лодочек чебыча, и темная, сливовая прядка волос.

Унисса между тем уже работала над портретом дяди Сарыча, мрачного, недавно схоронившего свою жену селянина. Сарыч сунулся и тревожно тискал штаны на коленях.

Мастер отбирала для него листья темные, суховатые, ломкие, складывала, проводила ногтем, будто ножом по горлу.

Сарыч кхекал.

Кафаликс подошел, молча, сдвинув колпак, заглянул через плечо и так же молча отправился к вынесенному из гостиной столу с пуншем.

— Что ж... — Унисса Мару сдула с доски лишнее. — Принимайте.

Дядя Сарыч сделал шаг вперед и застыл.

— Вы, наверное, зря это, госпожа мастер, — произнес он глухо. — Передумал я. Если позволите, то не надо мне...

Унисса сощурилась.

— Ты сейчас хочешь оскорбить меня, селянин?

Сарыч, побледнев, замотал головой.

— Что вы, госпожа мастер!

— Тогда бери свой портрет, — ледяным голосом приказала Унисса.

Народ за изгородью притих.

Дядя Сарыч, поникнув, мелкими шажками приблизился к мастеру листьев и принял из ее рук доску.

— Посмотри, — все тем же, не допускающим пререканий тоном скомандовала Унисса.

Сарыч повернул доску.

Лицо его дрогнуло, в глазах блеснули слезы. Несколько мгновений он оглаживал дерево ладонями, боясь коснуться листьев, затем прижал его к груди.

– Госпожа мастер...

Дядя Сарыч упал перед Униссой на колени.

– Встань, – сказала ему Унисса, и Эльге захотелось вцепиться ей в светлые волосы – в голосе было больше железа, чем в хорошем ноже.

«Дяде Сарычу и так плохо!» – чуть не крикнула она. Но Сарыч послушался мастера и поднялся. Щеки его были мокрыми.

– Благодарю, госпожа.

– Иди, – сказала ему Унисса.

Дядя Сарыч кивнул и так с портретом на груди, тихий и светлый, вышел за изгородь, мимо людей, к своему дому.

Мастер листьев забросила лямку сака на плечо.

– Если кто хочет учиться у меня, буду рада.

Она уже повернулась, чтобы идти в конец двора, к мастерам-мужчинам, но замерла, посмотрела через плечо на дядю Вовтура:

– А ты чего ждешь? Видел же, что я и твой портрет сделала.

Дядю Вовтура подбросило с чурбачка.

– Ну, я это... – Он старательно прятал глаза от Униссы – словно то в траве, то в обломке жерди натыкался на что-то важное. – Я не против, конечно...

Эльга выпучила глаза на дядю Вовтура – необычно скованного и несмелого, а вдобавок еще и густо покрасневшего.

– Ладно, – улыбнулась Унисса и всему народу объявила: – Вечером приходи.

Эльга от возмущения набрала в рот воздуха, да так и замерла, как жаба на болоте. Ясно почему вечером! У дяди Вовтура жены нет.

– Это же вообще! – шепнула она Рыцеку.

– Взрослое дело, – пожал плечами тот.

– Но она мастер!

Эльга оглянулась, ища поддержки, но люди смеялись, переглядывались, а кто-то даже хлопал глупо хихикающего счастливчика по плечу. Эльге захотелось провалиться в самое пекло, так ей стало стыдно за дядю Вовтура.

— А теперь, — громко возвестил кафаликс, — встречайте Тарзема Ликко, мастера животных и птиц!

Высокий худой мужчина поклонился народу и развел руки. На них тут же сели сойка и маленькая, гнездящаяся у коньков крыш пугливая кычка.

Эльга слушала вполуха, что мастер выводит мышей, кро- тов и лечит скотину.

Ей хотелось то ли разреветься, то ли залезть куда-нибудь в колючие чепчуи́ник или мали́ник, чтобы царапинами на руках и лодыжках уравновесить то, что наглость и простота мастера листьев сделали с ее душой.

«Ну как так можно?! — думалось Эльге. — Другие люди что, не люди для нее? Тот же дядя Сарыч... Подумаешь, она что-то из листьев складывает! Другие и то более полезные мастера».

Она пролезла через ограду на улицу и побрела домой.

— Завтра! — нагнал ее голос кафаликса. — Все дети до четырнадцати лет, желающие обучаться мастерству, смогут выбрать мастера! Тридцать монет родителям! Контракт с кра́нцвейлером Кра́я Дидекангом Руе! Тридцать эринов!

Эльга прижала к ушам ладони.

Мать, ходившая к отцу на поля, встретила ее длинной, гибкой вицей и руганью.

— Ты на кого двор бросила? А? Тебя кто отпустил? Сви- ньи забор подрыли, у несущек воды нет, посуда не вымыта!

Вица, со свистом взрезав воздух, нашла Эльгину спину.

— Ай! — вскрикнула Эльга. — Я все сделаю, мамочка.

Она обежала врытую поилку. Мать погналась, придерживая подол длинного платья, потому что проступок был серьезный и одного шлепка прутом для учения непутевой дочери было недостаточно.

— Стой! Стой, Эля! Я тебе!

– Мамочка, я все поняла!

Эльга пронеслась сквозь хлев, кисло пахнущий животным теплом, перескочила через ягодные грядки и спряталась за высоким домашним крыльцом. Отставшая мать появилась из темноты пристройки и, выглядывая Эльгу, остановилась в воротах.

– Эля!

Вица стегнула ни в чем не повинную створку.

– Все равно получишь у меня!

Эльга прижалась к боковым чурбакам, стараясь сделаться как можно незаметнее.

– Что, – спросила мать, – нашлось что-то более важное, чем работа по хозяйству? Ну же, поделись, доченька. А я послушаю.

Из-за угла дома вышла коричнево-рыжая курица и остановилась, глядя на девочку бессмысленными глазами.

– Брысь! – шепнула ей Эльга.

– Не думай, что я забуду, – приближаясь, сказала мать. Дура-наседка пялилась, поворачивая глупую голову.

– Пошла! – Эльга, стянув с головы платок, замахнулась им на курицу.

Наседка кудахтнула.

– Вот ты где!

Мать закрыла всякий свет, нависнув сверху. Курица, как исполнившая свой долг, удалилась, высматривая что-то в рыхлой земле.

– Мастера! – крикнула Эльга, зажмурившись. – На постоялый двор прибыли мастера!

Ни удара вицей, ни чего другого не последовало.

– Вот как.

Мать опустилась на ступеньки. Старое дерево скрипнуло под тяжестью ее тела. Она была не то удивлена, не то пришиблена новостью. Эльга покинула свою прятку и осторожно присела рядом. Материна рука неуверенно, вслепую огладила ее волосы.

– Значит, хочешь идти в мастера?